

Не стало Игоря Всеволодовича Можейко. Большинству из нас он был известен как Кир Булычев, автор множества фантастических книг — таких добрых, ироничных и интеллигентных... И, наверное, немногие знали, что Игорь Всеволодович был специалистом по истории и культуре Юго-Восточной Азии и многие годы работал в Институте востоковедения. На протяжении долгого времени он сотрудничал с журналом «Вокруг света», был его специальным корреспондентом. Отдавая дань памяти его таланту и знаниям, архивные страницы октябрьского номера мы посвящаем Игорю Всеволодовичу Можейко...

ИТАР-ТАСС

ЗВЕЗДА УЛУГБЕКА

И. МОЖЕЙКО

№3'1968

На гравюрах эпохи Возрождения его изображения помещали по правую руку от аллегорической фигуры Науки, среди величайших ученых мира, ибо ни один астроном в течение столетий не мог сравниться с Великим Самаркандцем (так называли его когда-то) в точности расчетов и наблюдений,

которые провел он в своей обсерватории.

Но когда в 1908 году русский археолог Вяткин решил найти остатки этой обсерватории, никто в Самарканде не мог сказать, где она была. Казалось, след ее безвозвратно утерян в тот месяц рамазана 853 года хиджры...

Седьмого рамазана 853 года хиджры — а по летосчислению «неверных» 24 октября 1449 года — правитель Самарканда, внук Тимура Улугбек подъехал к собственному дворцу, спешился и смиренно остановился перед воротами. Стражники засуетились у входа, и начальник караула побежал в дворцовые покои сообщить Абдал-Лятифу, нелюбимому сыну Улугбека, уже несколько дней ожидаемую весть: правитель отказался от дальнейшей борьбы.

...Улугбек отдавал предпочтение занятиям науками перед военными походами, он избегал придворных льстецов, открывая свое сердце тем, кто вместе с ним наблюдал бег далеких звезд; его учени-

ки вместо корана читали труды безбожных античных философов и изучали естественные науки. И шейхи не могли простить ему его слов: «Религии рассеиваются, как туман. Царства рушатся. Но труд ученых остается на вечные времена». И настало время, когда сын его, поддерживаемый всеми религиозными фанатиками Самарканда, открыто выступил против отца...

И вот теперь Улугбек стоит перед судом шейхов. Шейхи осуждающе покачивают бородами и не скрывают долгожданной радости. Абдал-Лятиф, как и положено победителю, который даже не может убедить себя в том, что он достоин победы, — груб и резок.

Он обвиняет отца в гордыне, кричит на старика и грозит ему смертью.

Улугбек просил одного — разрешения остаться в Самарканде, где он мог бы продолжать свои наблюдения. Но решение суда гласило: чтобы замолотить грехи, бывший хан должен отправиться в Мекку, совершить хадж.

А ночью, когда измотанный предательством, жестокостью, бесильный перед людьми, еще месяц назад целовавшими пыль, по которой ступали его сапоги, ночью, когда Великий Самаркандец спал, состоялся другой суд. Тайный. На нем шейхи решили убить Улугбека.

Через несколько дней Улугбек в сопровождении хаджи Хусроя ушел пешком из славного Самарканда. В ближайшем кишлаке путников нагнал гонец. «Именем хана повелевается тебе, мирза Улугбек, — говорилось в депеше, — остановить свой путь. Не подобает тебе, внуку Тимура, совершать хадж в таком скромном окружении. Ты не двинешься дальше, пока не закончатся приготовления к дальнему путешествию, которое должно вызвать одобрение всех правоверных».

Улугбек присел в тени под чинарой. Бежать было некуда.

А к кишлаку уже скакал из Самарканда Аббас из рода Сулдузов, за поясом которого лежала разрешительная фетва на убийство Улугбека. Он приговаривался к смерти за отступление от заветов ислама.

Нукеры Аббаса издали увидели сидевшего в тени старика. Они узнали его. Связанного Улугбека привели на берег арыка и поставили на колени. Аббас подошел спереди, надеясь увидеть страх в глазах пленника, и взмахнул мечом. Голова повелителя вселенной покатила в мутный арык, оставляя на пыльном песке быстро темнеющую дорожку. Один из нукеров ловко нагнул, подхватил голову и бросил ее под ноги палачу.

Через час весть о смерти бывшего правителя достигла Самарканда.

Вечером узнал о ней и звездочет Али-Кушчи — ближайший помощник, ученик и друг Улугбека.

Известие о смерти Улугбека поразило его. Он понимал, что смертный приговор хану — это смертный приговор и его ученикам и всем трудам и книгам Улугбека.

Али-Кушчи надел поверх кольчуги халат и спрятал кинжал в широком поясе. Кольчугу пронос его по глухим переулкам к холму, с вершины которого был виден весь Самарканд...

...Звезда Улугбека — так Али-Кушчи, преклоняясь перед учите-

лем, называл про себя самую красивую и нежную звезду в небе Самарканда — висела над огромным круглым зданием. Черные деревья вокруг него шуршали и позванивали под ветром, как чешуйки кольчуги.

Сторож выглянул испуганно из темного проема двери, узнал Али-Кушчи и помог ему сойти с коня.

— Страшны сны мои, — сказал сторож. — Сейчас прибежал Юсуф из кишлака.

— Все правда, — ответил Али-Кушчи. — Повелителя нет...

На сером, пропыленном лице глаза его казались застывшими ледяными озерами.

— Где звездочеты? — спросил он.

— Кто прячется в домах за арыком, кто убежал еще ночью.

Али-Кушчи взбежал по широкой лестнице. Со стен глядели знакомые картины небес и созвездий. Еще недавно Али-Кушчи долгими часами вместе с Улугбеком размышлял, как лучше украсить дом науки. Подковки сапог выстукивали неровную дробь по мраморным плитам. Сквозняк вытянул из кельи листок рисовой бумаги с вязью цифр и бросил под ноги Али-Кушчи. Тот не остановился. Он спешил наверх, в комнату Улугбека.

...Через полчаса Али-Кушчи спустился вниз. Сторож тащил за ним туго набитый бумагами мешок.

— Дай лепешек на дорогу, — сказал звездочет, приторачивая мешок к седлу. — Я не успел взять из дому.

И стук копыт растаял в пустынном воздухе.

...Больше никто уже не подходил к зданию, не поднимался на его плоскую крышу, чтобы следить за бегом светил в черном небе. Покрывались серой пылью хитроумные приборы, и пустыни были внутренними помещениями, расписанные картинами и схемами, изображавшими планеты, звезды и земной шар, разделенный на климатические пояса, — люди и близко не смели подходить к этому холму, о котором ходило столько страшных слухов...

Шейхи добились своего... Но они не знали, что в это время Али-Кушчи готовит в Константинополе издание последней книги своего учителя — «Новые астрономические таблицы».

Вскоре эта книга вышла. Ее сразу же перепечатали в Дамаске и Каире. В XVII веке ее трижды издавали в Лондоне, печатали в Париже, Флоренции, Женеве... Точность таблиц была столь поразительна, что многие ученые даже сомневались в их подлинности, — казалось невероятным, что в XV веке, до изобретения телескопа, возможно было такое...

ДЖАНТАР-МАНТАР

Для измерения движения светил астрономы Джайсингха построили комплекс массивных приборов — для каждой звездной системы отдельный, установив их на единый фундамент.

